

Журнальные заметки

акции против преобладавшего недавно еще усиленного художественного разрабатывания деревенской жизни. Пока «Русская Мысль», да и по средах пень колоду», держится еще этого направления в печатаемых ей беллетристических произведениях: Каролинъ, Короленко, Гл. Успенский, Л. Орешко продолжают здесь работать, и их попрежнему продолжают интересоваться жизнью. Очевидно, совершается некоторое перемещение в группировку литературных сил и партий. Мы враги всякой исключительности, но потому-то от души и желали-бы, чтобы все взгляды, вся жизнь, во всем ее разнообразии, были-бы представлены литературою — chose des opinions forme la veritee.

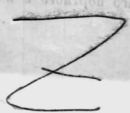
стократией, а аристократией ума и образования — интеллигенцией по преимуществу. Такое содержание повестей г. Чехова и Засодимского, романа Додэ — «Возвратный», «Жизнь Чарльза Дарвина»; даже три четверти библиографии, и т.д. посвящены тому-же предмету: жизнь Додэ, жизнь Шекспира, жизнь Гете и т.д. — все дѣтели литературы и науки. Г. Impactus, замѣнявший въ критическомъ отдѣлѣ г. Михайловскаго, порицаетъ г. Соловьева за его яко-бы шатаніе мысли.

Но начнемъ по порядку: Прежде всего, конечно, вниманіе читателей остановитъ на себѣ рассказъ г. А. Чехова «Огни».

По поводу другого рассказа этого симпатичнаго писателя — «Степь», намъ пришлось уже и отгнѣять оригинальную манеру г. Чехова, и указать, что языкъ этого писателя — всегда об-

работанный и простой, но, вмѣстѣ, и постоянно изящный. Мы тогда указали и на поэтичность, присущую его изложению: онъ одухотворяетъ природу, населяетъ ее призраками, старается подсмотреть ей жизнь, но натуралистическая манера Э. Золя ему антипатична. Онъ ближе къ Додэ, стоитъ въ этомъ отношеніи.

Нѣтъ возможности передать своими словами въ краткомъ анализѣ его рассказъ безъ утраты большей

части его прелести. Здѣсь форма такъ слита съ его содержаніемъ, что одно чуть-чуть теряетъ большую половину своего значенія безъ другого: присущая г-ну Чехову искренность и глубокая задушевность дѣйствуютъ на читателя убѣдительно въ всякой аргументации, самой изысканной и мудрой.

Какъ всегда, у г. Чехова фабула рассказа несложна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересна. Дѣйствіе происходитъ въ степи, которую авторъ очень любитъ и часто описываетъ. Ночь; рабочіе, строящіе желѣзную дорогу, закончили работы, и только ливня огней вдоль прокладываемой насыпи указываетъ на ихъ присутствіе. Инженеръ и его помощникъ студентъ любятъ на эту картину въ степи; эти огни «вызываютъ въ студентѣ представленіе о чемъ-то давно умершемъ, жившемъ тысячи лѣтъ тому назадъ, о чемъ-то въ родѣ лагеря амалекитянъ или филистимлянъ. Точно какой-то ветхозавѣтный народъ расположился стономъ и ждетъ утра, чтобы зодраться съ Сауломъ или Давидомъ. Для полноты иллюзии не хватаетъ только трубныхъ звуковъ, да чтобы

на какомъ-нибудь эфіопскомъ языкѣ перекликались часовые... «Когда-то на этомъ свѣтѣ жили филистимляне и амалекитяне, вели войны, играли роль, а теперь ихъ и слѣдъ простылъ. Такъ и съ нами будетъ. Теперь мы строимъ желѣзную дорогу, стоимъ вотъ и философствуемъ, а пройдутъ тысячи двѣ лѣтъ, — и отъ этой насыпи, и отъ всѣхъ этихъ людей, которые теперь спятъ послѣ тяжкаго труда, не останется и пыли. Въ сущности, это ужасно!»

Эта мертвая философія вовсе не по душѣ инженеру; онъ, напротивъ, наслаждался созерцаніемъ и красотъ степи въ теплую ночь, и видомъ человѣческой работы въ ней. «Въ прошломъ году на этомъ самомъ мѣстѣ была голая степь, человѣчимъ духомъ не пахло, говоритъ онъ, а теперь поглядите: жизнь, цивилизація!

«И какъ это все хорошо, ей-богу! Мы съ вами желѣзную дорогу строимъ, а послѣ насъ, такъ лѣтъ черезъ сто или двѣсти, добрые люди настроятъ здѣсь фабрикъ, школъ, больницъ, и — закипятъ машина!» Онъ серьезно совѣтуетъ своему това-

ришу помощнику брести печальные мысли: «всѣ эти высокія мысли, говорю я, душа моя, хороши и естественны въ старости, когда онѣ являются продуктами долгой внутренней работы, выстраданы и въ самомъ дѣлѣ составляютъ умственное богатство; для молодого-же мозга, который только начинаетъ самостоятельную жизнь, онѣ просто несчастье! Несчастье! повторилъ онъ...» Студентъ съ нимъ несогласенъ и не видитъ вреда начинать мышленіе съ конца. Онъ разочарованъ, не поживъ еще. Вся жизнь съ ея красками и звуками, поэзіей и наукой, и всѣмъ — всѣмъ, что составляетъ украшеніе и смыслъ жизни, съ ея горемъ и радостями — является для него чѣмъ-то внѣшнимъ, стороннимъ, не имѣющимъ для него никакого значенія — все равно умереть вѣдь! Ему нравится такъ мыслить, и онъ отдается этой философіи, такъ какъ онъ полагаетъ, что «отъ нашихъ мыслей никому ни тепло, ни холодно».

Его оппонентъ полагаетъ иначе: онъ справедливо указываетъ, что развѣ человекъ не понимаетъ самъ для себя «чѣмъ жизнь красна», онъ этого

не оцѣнить и для другихъ. Не можетъ просто оцѣнить — все равно умрутъ вѣдь, — а откуда возникаютъ и со всѣмъ иныя отношенія такого философа и ко всѣмъ окружающимъ его людямъ. Вырабатывается совершенно иная этика, отъ которой людямъ подчасъ приходится и очень холодно, и очень жарко, до обжога. Горячая, убѣжденная рѣчь инженера подкрѣпляется его личнымъ опытомъ; онъ ненавидитъ эту философію, чуть не слѣвавшую его самого отъявленнымъ негодяемъ. Разсказанная имъ страничка изъ его жизни — полная неподдѣльнаго чувства и искренности — составляетъ остальную часть этого разсказа, небольшого по величинѣ, но художественно написаннаго, съ серьезной философской мыслью въ своемъ основаніи.

Мы не упомянули еще о статьѣ Н. А. Шаврова «о необходимости и возможности развитія русскаго торговаго мореплаванія и коммерческаго судостроенія». А упомянуть о ней слѣдуетъ. Хотя, конечно, и здѣсь слышатся знакомые давно уже мотивы о

необходимости *создания портовъ*, но при критикѣ существующаго распорядка въ нашей торговой политикѣ мы встрѣчаемъ, —судя по имени автора, совсѣмъ неожиданно — такую вѣрную мысль: «создать новую сферу для приложенія народнаго труда — задача достойная всякаго истинно-государственнаго человѣка, но... надо предоставить при этомъ свободу для предприимчивости каждаго, а не для нѣкоторыхъ избранныхъ».

Не менѣе вѣрна и другая мысль автора, что покровительство части промышленности внѣ общаго подъема благосостоянія страны — будетъ всегда безрезультатно, а подчасъ и вредно. Жаль только, что авторъ, на ряду съ нѣкоторыми рациональными мѣрами, имъ предлагаемыми, тутъ-же иногда дѣлаетъ скачки въ сторону, выступая съ проектами, противорѣчащими имъ-же изложеннымъ въ статьѣ фактамъ.

Ф. Д.
